

Куда ведут дороги

Ю. МАНУНОВ

В КАКУЮ бы сторону вы ни поехали из столицы королевства, прекрасного Пном-Пеня, — на юг, в провинции Кампот, Такао или Свай-Риенг; на восток, в направлении далекой провинции Ротаннакири; на север, вокруг великого озера Тонле-Сап, — под колеса машины ложится непрерывная серая лента асфальта. Там, где ее однообразие прерывается, идут ремонтные работы.

По качеству своему камбоджийское шоссе не уступает дорогам промышленно развитых европейских стран: прекрасное покрытие, разграниченная рядность движения, издали хорошо различимые дорожные знаки. Но есть у этих дорог и нечто свое — прежде всего, необыкновенная вежливость водителей тяжелых машин по отношению к более легким экипажам. Огромный грузовик даже на узкой, неудобной для разъезда дороге, постарается прижаться к обочине и освободить путь более слабому, чтобы — упаси, боже, — не загнать его в кювет.

Дороги Камбоджи — не только транспортные артерии. Шоссе — это и улица камбоджийской провинции. Сама природа страны — непроходимые джунгли, горы, лежащие меж рисовых полей большие и малые озера и болота, которые в период дождей сливаются в бескрайние залитые водой пространства, — в большой степени определяет тяготение селений к шоссе и дорогам. Хижинки на сваях прямо от порога соединены с шоссе длинными-преддлинными шаткими мостками. И даже путешествуя только по основным трассам, можно увидеть жизнь кхмеров во всем ее разнообразии.

Под тенистым деревом на обочине расположился сельский базарчик... Смуглая крестьянка в длинной цветастой юбке-саронге рассыпает рис для просушки прямо на проезжей части... Крестьяне занимаются полевыми работами у самого шоссе... Бесконечные вереницы двухколесных повозок, запряженных парой буйволов или быков, тянутся в город, груженные рисом, связками бананов либо искусными ремесленными изделиями: горшками, циновокками, корзинами... Колокольчиком или трещоткой торговец старается привлечь внимание к своей тележке, на которой уместились, кажется, все нужные сельскому жителю в повседневном обиходе товары... На возвышенности у дороги строят просторный навес-временку, устанавливают столы с угощением. Здесь будет свадьба, а может, поминки...

Наперерез машине непременно вылезет из запыленного водой кювета неторопливый буйвол с кроткими глазами. Едва ли не из-под колес нехотя поднимется собака и досадливо затрусит прочь с теплого сухого асфальта.

На обочинах или прямо на дороге играют дети, отдыхают после нелегкого трудового дня крестьяне, гуляют до поздней ночи влюбленные.

О людях племени с'отъ нам рассказали массу небылиц, когда мы объявили о своем намерении отправиться в их деревню.

— Говорят, они людоеды.

— Говорят, у этого племени в обычае убивать стариков. Глава рода сообщает человеку, который уже не может обходиться без посторонней помощи: «Завтра тебе лезть на дерево». Наутро приго-

Камбоджа. Один из скверов в Пном-Пене близ площади Независимости.

Фото ТАСС

воренного подводят к дереву и заставляют взобраться на него. Потом дерево сильно трясут. Старик падает и разбивается насмерть. Если же он сумел удержаться, не упал, он может жить еще.

— Говорят, эти люди носят только юбочку из листьев и не знают другой одежды.

И вот теперь с'оть были совсем близко. Стояли и смотрели в нашу сторону — ждали, видимо, что будет дальше. Наверное, мы казались им нелепыми белесыми гигантами, потому что самый высокий рост у с'оть — полтора метра.

Несколько мужчин, поджидавших нас на опушке, не проявляли никаких агрессивных намерений. И остальные, скрывшиеся при виде незнакомых людей, побежали в деревню совсем не для того, чтобы созвать сородичей на каннибальское пиршество, — просто укрылись на всякий случай в хижинах. Что касается одежды, то с'оть давно приобщились к нехитрой моде кхмеров: саронг (кусок ткани, обернутый вокруг бедер) и маленькая кофточка на женщинах, набедренная повязка либо тот же саронг — на мужчинах.

С'оть — совсем маленькое племя, относящееся к народностям мон-кхмерской языковой семьи. Их осталось примерно человек двести. Эти низкорослые люди очень пропорционально сложены. Кожа у них смуглая, гладкая, совершенно лишенная растительности. Глаза без эпикантуса — монгольской кожной складки на верхнем веке, широко раскрытые, карие. Волосы мягкие, выходящие, темно-каштановые.

Почему с'оть так малы ростом? Пытаюсь решить проблему пигмеев, в тропических лесах Центрально-африканской Республики три года работала французская экспедиция. На основе данных анализа крови исследователи отвергли теорию, согласно которой железы внутренней секреции у пигмеев якобы содержат меньше гормонов роста, чем у других людей. Возникла новая гипотеза: ткани у пигмеев могут быть менее восприимчивы к воздействию этих гормонов, чем у остальных народов. Одно время считалось, что африканские пигмеи, «краснокожие карлики» из Индии и Новой Гвинеи и представители других этнических групп, отличающихся низкорослостью, принадлежали к одной и той же расе, но рассеялись по свету еще в доисторический период. Теперь же ученые полагают, что сходство между этими народами представляет собой совпадение, обусловленное одинаковыми условиями жизни. Географическая среда, повышенная влажность, темные густые леса — вот что затормозило их физическое развитие.

В наши дни с'оть вышли из глубины джунглей, но преступить их границу пока не решились. Их деревушка приютилась у самого края дремучего леса. В деревне чуть более десятка хижин на сваях. Стены — циновки, сплетенные из высушенных на солнце, нарезанных лапшой банановых листьев. Крыша — те же листья, только цельные. Окон нет. К проему, служащему входом, ведет с земли приставная лесенка.

К нашему визиту с'оть отнеслись очень дружелюбно. Когда мы заикнулись о том, что хотели бы сделать несколько фотографий, мужчины не только сами позировали нам, но позвали своих жен и детей. Потом нас пригласили в одну из хижин, что побольше. Пришлось разуться, чтобы не провалиться, ступая по полу: он настил из неотесанных круглых слег, поперек набросан хворост. В углу, где хворосту побольше, лежит циновка. Там постель. К слегам на потолке подвешен сплетенный из тростника гамак. В нем спят дети.

В хижине мы увидели пару серпов. Рукояткой им служит специально выбранный изогнутый сук. Один конец его расщеплен, и в щель вставлено короткое железное лезвие. Всей деревней племя обрабатывает небольшое поле под посев риса. Выжидают участок джунглей и засевают его раз в год, в начале сезона дождей, используя, таким образом, только дождевые воды. При искусственном орошении в таком благоприятном климате можно было бы снимать по меньшей мере два урожая в год. Но с'оть живут натуральным хозяйством. Их низкосортный, примитивнейшим образом обмолоченный рис идет исключительно для собственного потребления. Кормятся с'оть еще и собирательством. К деревне близко подходит узкая морская протока. Здесь ловят рыбу, крабов, трепангов, срезают с подводной части камней мелкие раковины с моллюсками. Дети таскают лягушек с рисового поля. Едят саранчу, больших рыжих жуков, похожих на тараканов, и т. д. Из животных мы видели в деревне только собак и свиней. Свиньи черные, с провисшей спиной. От этого они кажутся двугорбыми. Жители ближайшего городка рассказывали нам, что изредка двое-трое мужчин с'оть появляются на базаре, чтобы вместо принесенной ими свинины, иногда крабов приобрести соль, гарное масло, ножи.

* * *

Что еще увидит автомобилист из окна машины? То справа, то слева вдоль шоссе мелькают новенькие, выдержанные в стиле традиционной кхмерской архитектуры, но с очень современным интерьером (убедитесь, если войдете) здания школ, колледжей, больниц и пунктов медицинской помощи, жилые дома, магазины ОРОК (Федерации кооперативов), лесопильные и кирпичные заводы, рисоушки. Даже свернув с асфальта и забравшись по обычной для отдаленных сельских местностей грунтовой дороге в деревушку, отвоевавшую себе местечко у джунглей, вы увидите наступление новой жизни. Машины и транзисторы, газеты и книги, пусть небольшая, но новая школа со своими, камбоджийскими преподавателями.

Однажды проселок завел нас в деревню с замысловатым названием Анлонг-Ромбет (Владина, где растут деревья с желтыми клубнями) в провинции Канда. Анлонг-Ромбет — не совсем обычная деревня. Это центр кооперативного района, объединяющего три селения, близко расположенных одно к другому.

В Камбодже много говорят и пишут о кооперативах (выходит даже специальная газета «Нотр кооператив») как о самом характерном явлении в жизни современной камбоджийской деревни. И это на самом деле так. Не потому, что явление это самое распространенное. Пока нет. Кооперативов не так уж много, и сфера деятельности их еще ограничена. Но это перспективный путь развития сельского хозяйства.

Кооперативное движение — главная и, видимо, наиболее разумная в условиях этой страны форма сельскохозяйственных преобразований. Правительство использует веками сложившиеся элементы кооперации. Например, при уборке урожая и других особенно трудоемких работах крестьяне действуют сообща, переходя с поля на поле.

Кооперативным движением руководит правительственная организация — ОРОК. Она на льготных условиях субсидирует кооперативы. Те, в свою очередь, предоставляют ссуды — тоже льготные — своим членам. В «кооперативных» деревнях открыты магазины, где промышленные товары продаются по

сниженным ценам. Но главная функция кооперативов в настоящее время — сбытовая. Организуя сбыт сельскохозяйственной продукции, они помогают крестьянам освободиться от ростовщика. До недавнего времени ростовщики (преимущественно китайцы) забирали от трети до половины урожая. Позиции ростовщиков довольно сильны и теперь, но они уже не всемогущи.

Все это нам рассказал советник Комитета развития — консультант по агротехническим вопросам Мен Чум. Он получает от Федерации кооперативов фиксированную заработную плату. Ему 58 лет. У него восемь детей. Младшая дочка — школьница, а старший сын, Мен Монингям, — студент Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Жена его тоже студентка. В Москве у них родилось двое детей. Имена этих маленьких камбоджийцев-москвичей в переводе означают Индустриализатор и Созидатель.

Г-н Мен Чум и члены Совета кооператива провели нас по главной улице Алонг-Ромбета — широкой и длинной, застроенной просторными тесовыми домами на сваях. Показали спящий белизной медпункт и женскую консультацию, кооперативный магазин и, наконец, клуб — прекрасное каменное сооружение, высокое, хорошо проветриваемое (что чрезвычайно важно в условиях тропиков). Здание спроектировано талантливым камбоджийским архитектором Ван Моливаном. В клубе устроена фото-выставка, посвященная кооперативному движению. Здесь к нам присоединились две очень милостивые девушки, тоненькие, в праздничных национальных юбках-сампотах, туго затянутых вокруг талии, и рядных кофточках, — учительницы. Между прочим, нигде мне не довелось увидеть камбоджийскую женщину, отказавшуюся от национального платья. Это не трудно понять. Длинная, красиво ornamentированная юбка, плотно охватывающая бедра, с глубокой и свободной складкой спереди, и маленькая облегающая кофточка — все это лучше любого другого туалета подчеркивает грациозность, стройность, неизящное изящество кхмерской женщины.

Мы возвращались к своей машине как раз в то время, когда кончилось занятие в местной школе. На деревенскую улицу навстречу нам, как из рога изобилия, высыпали дети. Веселой шумной ватагой они шли прямо на нас, ничуть не стесняясь незнакомых людей, не дичась. А увидев в руках у нас фотоаппараты, привычно стали в позу.

Мне припомнилась в тот момент другая поездка и другие дети, которые, завидев людей в европейской одежде, бросились наутек. Это было в деревне беженцев в провинции Такео, у самой границы с Южным Вьетнамом.

По вечерам, когда на миг утихнет звон цикад, когда гсущаются ночные сумерки, можно услышать глухой грохот канонады и увидеть огненные сполохи, озаряющие темное небо к юго-востоку от Пном-Пеня. Это рвутся бомбы, пылают от напалма джунгли. Это там, за камбоджийской границей, идет кровавая война, развязанная американскими империалистами против героического вьетнамского народа.

Пламя этой войны опалает и свободную Камбоджу. В пограничной полосе почти ежедневно происходят вооруженные провокации американско-сайгонской военизации. Горят дома мирных камбоджийских тружеников, растет список человеческих жертв. Бомбы и снаряды перепахивают рисовые поля, гибнет скот.

Мы поехали в направлении ночных сполохов. Машина катилась и катилась по мирному шоссе, идущему

по дамбе, вспугивала греющихся на асфальте собак и тормозила, когда дорожку переходила горбатая коровка-зебу, оббегала многочисленных велосипедистов и уступала путь встречному моторишке, насажавшему в свою тележку не менее десятка бронзовых женщин с улыбающимися кариими глазами и огромными корзинами.

Но вдруг все кончилось. Дорога стала пустынной. Впереди поперек — полосатый слагбаум. На трафарете надпись: Камбоджа — Южный Вьетнам.

Едем по проселку вдоль границы. Минуем посты пограничной охраны, зенитные установки, пулеметные гнезда... К самой границе прилепилась деревня беженцев.

Идем по деревенской улице. Шеф полиции Такео (пограничную службу в Камбодже несут полицейские войска) рассказывает, что за год на территории одной только этой пограничной провинции перешли из Южного Вьетнама, спасаясь от войны, 360 человек кхмерского происхождения. Камбоджийское правительство построило для них деревню, снабдило рисом.

Много детей, а взрослые почти все старики. Но нет, вот этой пожилой на вид женщине, оказывается, всего 35 лет... Одна судьба горше другой...

Над границей появились американские «Дакота» и вертолет. Покружили вблизи деревни, рассматривая, очевидно, скопление машин (нас сопровождали в этой поездке полицейские на «джипах»), и ушли за голубые горы. Никто не повернул головы в их сторону, не прервал разговора. Люди, пришедшие отсюда, где война, не прячутся. Они устали бояться смерти, привыкли к ее постоянному соседству.

Движение в рядах стоявших позади нас людей заставило нас обернуться. Шеренга черных одежд разомкнулась и выпустила в круг, поближе к нам, два ярко-оранжевых плаща — двух поджарых бритоголовых и босых бонз. Один из них, настоятель ближнего монастыря, привел с собой второго — пришельца «оттуда». Американские автоматчики блокировали храм, где он жил. На монахов надели наручники. Их подозревали в связи с партизанами. Во время допросов два бонзы были убиты. Остальных потом отпустили. Но только на время отправления религиозной церемонии — как раз случился буддийский праздник. К концу ритуального шествия с факелами ему удалось бежать и перебраться через границу. Бежал прямо так, в этом ярко-оранжевом, отовсюду и ночью заметном плаще, даже тут не преступив монашеского обета. Говорит он тихим голосом, очень лаконично. По существу, и не рассказывает, а только скупко отвечает на вопросы.

* * *

...Много километров проехал я по великолепной трассе Пном-Пень — Сиануквиль. Шоссе это было в свое время построено с помощью американцев и называлось тогда Дорогой кхмеро-американской дружбы. Но как и сама эта «дружба», она не вынесла испытания временем. Полностью восстановленная силами и на средства Камбоджи, теперь это лучшая автотрасса страны, живая артерия ее развивающейся экономики. Первостепенное значение дороги в том, что она связала столицу с единственным, пока не очень большим, но быстро растущим и перспективным портом на океане — Сиануквилем. Скоро к Сиануквилю будет подведена и железная дорога. А пока на шоссе урчат трудолюбивые грузовики, увозящие из порта цемент, машины, различное оборудование либо доставляющие в порт для погрузки на корабли товары традиционного камбоджийского экспорта.